

- Шура, а как так получилось, что ты оказалась в желудке нашей старшей сестры?
- Как, как. Случайно! Ни я, ни Люська этого не хотели. Да ты и сама об этом знаешь, чего спрашиваешь?
- Нет, не знаю. Она мне не захотела рассказывать, а я не настаивала. И как? Страшно было?
- Не а. Ни капельки. Там хоть и темно, зато тепло и уютно. Шум сердца и лёгких так убаюкивает...
- И ты не боялась перевариться?
- Нет, я просто знаю, что нужно сделать, чтобы не стать питательным раствором.
- Ой, как интересно! И что же?
- Нужно выпить весь желудочный сок и тогда тебе ничто не будет угрожать.
- Ого! А он не противный?
- Совсем нет. Он такой кисленький.
- А дышать чем?
- Воздухом, конечно! Там его достаточно, чтобы не задохнуться. А если будет не хватать - можно просунуть голову в пищевод или руками раскрыть отверстие в него. Не такое уж оно и тугое.
- Блин. Я что-то ещё сильнее кушать захотела. В животе аж забурлило. Представляешь, сколько там сейчас желудочного сока?
- Ой, а мне захотелось чего-нибудь кисленького попить.
- Как же ты оказалась в ней? И чего ты там столько съела, что тебя так распёрло? Я так и не смогла добиться от Люськи внятного ответа.
- Ладно, слушай. Она тогда нашего самого жирного кролика живьём проглотила.
- Это которого мы для мамы все вместе растили ко Дню её рождения?
- Да. Она сказала, что была очень голодной и второпях клеткой ошиблась. Я попросила отрыгнуть его обратно, пока он живой, а она удивлённо посмотрела на меня и говорит: «Я не умею. То, что попадает в мой желудок - всё переваривается». Тогда я спросила, что же теперь делать, а она: «Засунь свою руку в моё горло и достань его». Я сунула по самое плечо, пищевод так нежно обхватил и стал затягивать глубже, но я быстро выдернула её обратно.

Мне стало так обидно, что не дотянулась и чуть не заплакала. Тогда Люська взяла меня за обе руки, поднесла к своему рту, посмотрела по сторонам и говорит: «Давай. Пока никто не видит. Просунь их обе ещё глубже. Тогда точно достанешь. Он ведь скоро захлебнётся и тогда будет поздно». Я засомневалась, что это хорошая идея, а она начала меня уговаривать: «Никто кроме тебя этого не сможет сделать и тогда наша мама останется без подарка. Сунь голову в мой рот, а если не дотянешься, то и плечи». Я сказала что боюсь, а она: «Знаю, что это страшно и неприятно, но я тебя очень прошу! Не бойся, ты же моя любимая сестрёнка, я не смогу тебя

съесть! Чтобы ты вся не оказалась в желудке, я буду тебя держать. Как только схватишь его, вместе с ним и вытащу». Она так умоляла, что я сразу согласилась. Тем более моей руке было так приятно в пищеводе. Чего не сделаешь ради сестры и мамы, которые тебя любят и никогда не обижают. Это же не трудно – просунуть руки и схватить кролика. Всё остальное сделают за меня. Заодно узнаю то, что давно хотела: что чувствуют те, кого проглатывают живьём. Сколько не спрашивала, никто не смог ответить на этот вопрос. Люська хотела сказать что-то ещё, но я не дала ей договорить, сунула ладони в её рот

и протолкнула по локти. Она не ожидала, что я так быстро соглашусь и сама полезу. Её рот захлопнулся, губы зажали руки, а глаза широко распахнулись от удивления. Несколько секунд она смотрела на меня и раздумывала, что делать дальше. Потом перевела взгляд на руки, наклонилась, чтобы рот опустился до уровня моих плеч, и сделала глоток. Мягкая волна прокатилась по пищеводу, и меня плавно засосало так, что мы столкнулись нос к носу.

Теперь я не могла ничего сделать. Их так плотно зажало, что я могла пошевелить только ладошками, и то чуть-чуть. Теперь всё зависело от Люськи.

- Испугалась?

- Совсем немного. Меня беспокоило только одно – ей же уже приходилось глотать людей целиком, вот только обратно она никогда их не вытаскивала. А вдруг у неё сил не хватит меня удержать? Поэтому я все-таки испытала на себе то, что чувствуют жертвы в это время.

- И что же?

- Оказалось страх силён тем, что чувствуешь безысходность своего положения. Можешь кричать, брыкаться, извиваться, но конец будет один – тебя засосёт внутрь и постепенно растворит желудочным соком. Но я же знала, что сестра не допустит чтобы я вся провалилась в её желудок, а если это и произойдёт, то знаю, что нужно делать, чтобы не перевариться. В любом случае она меня вовремя вытащит, поэтому я быстро успокоилась и сосредоточилась на удовольствии.

- Удовольствии? Что в этом может быть приятного?

- Хех! Ты сначала попробуй, а потом спрашивай. Мы замерли, прислушиваясь к своим ощущениям. Не знаю, как Люська воспринимала меня, но я почувствовала её внутреннее тепло и приятную влажность. До желудка я, конечно же не достала, руки короткие, но их так нежно обхватил пищевод, что захотелось погладить его гладкие стенки ладошками и прищуриться от удовольствия. Эта тёплая нежность давала такое наслаждение, что я захотела вся в неё залезть. Но когда вспомнила, зачем туда лезу, как будто проснулась от сладкого сна, и мой взгляд натолкнулся Люськино удивление. Она смотрела на меня так, как будто я подарила ей жирного поросёнка. Просто так, без повода. Мне показалось, что она немного волновалась, но с великим удовольствием облизывала мои руки и терпеливо ждала, когда я очнусь. Я взглянула на неё, и увидела такие умоляющие глаза, что невольно улыбнулась и чмокнула её в нос.

- Хм.

- Она поняла, что я готова продолжить и так широко раскрыла рот, что мне открылось потрясающее зрелище на нежно-розовую глотку из которой торчат мои руки. Я не задумываясь протолкнула их глубже, просунула голову

и легла лицом на её язык.

- Лицом на язык? Ни разу не пробовала.

- Ты вообще ничего подобного не пробовала. Он такой тёплый и так вкусно пахнет, поэтому молчи и слушай дальше. Я почувствовала, как медленно и осторожно она сомкнула губы на моей шее. Свет потух, настала крошечная тьма, все звуки куда-то исчезли, осталось лишь её сопение и цель, которая как навязчивая идея засела в голове – дотянуться до кролика и спасти его. Люська взяла меня за бока чуть выше талии и мелкими глотками стала проталкивать глубже. Ощущения просто бесподобные.

- Неужели там и правда так хорошо?

- Сама попробуй – узнаешь. Это даже лучше, чем когда мама тебя обнимает и прижимая к своей груди! Ласковая теплота окутывает со всех сторон и нежными волнами толкает всё глубже и глубже. Хочется погрузиться в неё полностью и наслаждаться бесконечным удовольствием. Люська с каждым глоточком наклонялась всё ниже и ниже, пока моё туловище не стало продолжением её тела. Это было так приятно, что я полностью расслабилась и наслаждалась тем, как мелкие волны пищевода нежно и бережно затягивают меня туда, где так тепло и мягко... Моя голова прошла в пищевод, плечи оказались во рту, а ладони провалились в пустоту. Люська почувствовала, что руки достали до желудка и остановилась. Я пошарила по сторонам, но никого не обнаружила. Уши прижаты стенками пищевода, сердце ухает бархатным басом, а лёгкие спокойно убаюкивают ленивым шелестом. А знаешь, как интересно звучит собственный голос внутри? Как будто это не ты говоришь, а кто-то другой. Сама себя плохо слышала, поэтому пришлось говорить намного громче обычного. В общем сказала ей, что до кролика не достаю.

- Интересно.

- Люська услышала, крепче сжала руки, чтобы не упустить меня и легонько глотнула. Её руки, как ограничители упёрлись в уголки рта и я почувствовала, как уютный пищевод обнял и сжал плечи, а груди упёрлись в нижнюю губу. Я так обрадовалась, что наконец-то дотронулась до мордочки. Мамин подарок будет спасён! Кролик внутри оказался живее живых, только весь мокрый и скользкий. В крошечной темноте он так испугался моих рук, что когда я к нему прикоснулась, весь затрепыхался и ринулся нарезать круги вокруг них. Было так забавно гоняться за ним, что я засмеялась. Чувствовать страх животного, которое целиком находится в желудке и не знает что делать – это просто не передать словами. Какой-то азарт охотницы проснулся во мне.

- Ха-ха-ха! Охотница, блин! Скажешь тоже... А потом?

- Темнота, ничего вижу. Этот трусишка забился в самый дальний угол возле входа в кишечник и замер. Слышно, как он часто дышит своим носиком. Люська держит так крепко, что я рёбрами чувствую её пальцы. Дальше никак не продвинуться, не дотянуться. Я нащупала место, где пищевод соединяется с желудком...

- Сфинктер?

- Да. Крикнула: «Ещё немного» и потянула его на себя. Это я уже потом поняла, что так не надо было делать. Для нас это было полной неожиданностью, потому что она в это время отпустила руки, чтобы перехватиться, а я приложила все свои силы, чтобы подтянуться. У неё так обильно выделялась слюна, что я, как по маслу проскользнула глубже, чем хотела. Она еле

успела поймать меня за... за зад.

- Вот дурёха! Уха-ха-ха-ха!

- Что, ха-ха? Мои груди оказались на языке и уткнулись в горло. Чувствую, что вот-вот провалятся. Если б она не удержала, они бы точно оказались там. Я схватила кролика, но этот ушастый балбес опять испугался, вырвался, и пока я его ловила, сиськи всё-таки провалились.

Я дёрнулась назад, но Люська задрожала, чего-то мыкнула и кааак глотнёт!

Да так сильно, что сама не смогла удержать. Руки съехали на мои ляжки, а всё моё туловище оказалось в ней. Я лобком почувствовала её шершавый язык. Мне стало так стыдно, что я снова дёрнулась, чтобы немного вылезти назад. Тут Люська снова замычала и её горло стало так сильно сжиматься и проталкивать меня внутрь мелкими, но сильными глотками. Её руки из последних сил тянули меня наружу, а пальцы так сжимали мои ляхи, что я чувствовала их костями.

- Вот ты дурная. Дёргаться в пищеводе в обратном направлении... Это же вызывает глотательный рефлекс! Надо было ноги согнуть, тогда она не смогла бы тебя дальше пропихнуть.

- Легко говорить, когда ты про это знаешь и снаружи тебе всё видно. Я только тогда поняла, что не нужно дёргаться назад. Замерла, расслабилась, перестала сопротивляться и почувствовала, как горло немного успокоилось, но всё ещё старалось меня заглотить. А ноги и так были согнуты. Это-то меня и спасло... тогда. Мы же обе стояли буквой гэ. Её нижняя губа упёрлась в ляжки, а верхняя стала напозать на мою широкую задницу, но процесс поглощения всё никак не останавливался.

Я знала, что Люська не хотела глотать меня целиком и чувствовала это. Она, как могла, боролась со своими рефлексам и прилагала к этому все усилия. Она же у нас умная. Вот и придумала кое-что.

- Что?

- Чтобы ей труднее было глотать, а мне труднее проглатываться, она наклонилась ещё ниже и сильнее согнула мои ноги. Я опустила коленями на пол и даже дышать старалась ровнее. Тугие волны пищевода давали такое наслаждение, что я немного возбудилась. Рот, как нагретый чулок одевался на моё тело, обволакивая теплом и поглощая сантиметр за сантиметром. Ширина моей попки не остановила этот процесс, но Люська умничка! Она всё-таки справилась с собой. Глотки становились всё реже и слабее, но под конец губы всё-таки съехали с моей попки, и она вся оказалась во рту. Когда процесс заглатывания остановился, они были на ляжках, но тут...

- Что?

- Её язык зашевелился.

- Ха, это она любит...

- Пока мы так стояли, она несколько раз прошлась по моей щелочке. Я очень старалась не дрыгаться, чтобы снова не вызвать глотательный рефлекс и не провалиться ещё глубже. Так и стояла, ртом зажатая, пищеводом объятая и терпела её издевательства.

- Ха-ха-ха! Какие?

- Она так глубоко засунула свой язык в мою дырочку, что я взывала от удовольствия, а когда она заворачивала им, то тут же кончила.

- Ну, Люська. Решила устроить сестрёнке урок лесбийской любви. Уха-ха-ха. Уж она-то мастер в этом деле, поверь мне. И что потом? Опять сработали её инстинкты заглатывания?

- Нет! Она ещё немного так постояла, держала меня во рту и силилась снова не глотнуть, пока я корчилась от оргазма. Говорить-то не может, только мычит, как бурёнка и языком шевелит в моей промежности.

- Неверно, она хотела тебе сказать, чтобы ты быстрее вылезала из неё.

- Не знаю, я ничего не поняла. Оргазм мои мозги так сильно затуманил, что я ничего не соображала. Некоторое время вообще думать не могла, а этот ушастый жирдяй снова вырвался и запрыгнул на мою голову. Тут-то меня и осенило взять его в рот и подержать там, чтобы руки освободить. Нужно же как-то выбираться оттуда.

- Уха-ха! Я бы тоже так сделала. И что?

- Что, что!.. Очухалась от оргазма. Стою на коленях. Люська надомной в три погибели что-то мычит. Попа у неё во рту, туловище в пищеводе, а сиськи вот-вот ввалятся в желудок. Я открыла рот, сунула голову кролика, а он как давай брыкаться! Подбородок мне исцарапал, за язык попытался укусить. Я долго не думала, схватила его передние лапы и тоже туда затолкала, что б не царапался.

- Ха-ха-ха! А он?

- А он придурак! Как рванёт вперёд!.. Будто нору нашёл, и так шустро запрыгнул в моё горло, что я опомниться не успела. Чудные они какие-то. Рук боятся больше чем раскрытый пищевод. Мне даже глотать не пришлось, он сам в меня запрыгнул и под своим весом проскользнул в желудок.

- Ага, и мама осталась без подарка.

- Не правда. Я же выкормила потом другого.

- Да, шучу я, шучу. Давай, рассказывай, что там дальше было?

- А дальше всё пошло так, как мы и планировали. Люська стала потихоньку выпрямляться и тянуть меня за ляжки.

Как только моя попа вышла изо рта и оказалась снаружи, я медленно задвигала коленками

и стала потихоньку сдавать назад.

Но не успела сделать и пары шагов, как пятками упёрлась в стену.

Люська заметила это и тогда сама стала пятиться.

Она старательно вытаскивала меня из себя, передвигала руки по моему телу всё выше, сильно тянула вниз и всё быстрее отодвигалась от меня. Я вся мокрая и скользкая от слюны, с трудом выходила наружу. Сиськи, как пробки выскочили из пищевода в рот, Люська резко подалась назад, чтобы полностью меня освободить, но тут...

- Что?

- Она взвыла бешеной коровой, так, что я чуть не оглохла. Мои уши были прямо напротив голосовых связок. А потом как дёрнется... вперёд! Да так сильно, что мои груди снова оказались глубоко в пищеводе.

- Да ты что?

- Оказывается, она наткнулась своей широкой задницей на острые железные прутья! Ну, те, что из клетки торчат.

Я чётко слышала, как они загремели перед тем как чуть не оглохла и сразу поняла, что произошло.

- Вот, умора, я сейчас лопну от смеха!

- Хорош ржать! Ей же больно было! Сколько раз говорила папе, чтобы загнул их, а он всё отмахивался, говорил, что сейчас некогда и откладывал на потом.

- Ладно, ладно. Что там дальше было?

- Железки, видимо так больно впились в её мягкое место, что она сжала губы, отскочила от прутьев и резко выпрямилась во весь рост и прогнула спину назад. Её голова запрокинулась, а руки ухватились за больное место, а слышала, как её ладони хлопнули по заднице.

- Но ведь это же...

- Да, да! Всё произошло так стремительно, что мы обе опомниться не успели. Мои колени оторвались от пола, ноги взметнулись высоко вверх, а пятки тут же оказалась выше всей нашей пирамиды. Я уже ничего не могла сделать. Просто повисла вниз головой и под своей тяжестью поехала вниз.

Плотно сомкнутые губы не помогли. Я же была вся мокрая и скользкая, поэтому легко и

быстро погрузилась в Люську до самого лобка и продолжала проваливаться дальше всё быстрее и быстрее.

- Ах...

- Это ещё чтоооо... Тут до Люськиных мозгов добралась вся та боль, которая не успела до них дойти от её многострадальной задницы. Её так торкнуло, что она напрочь забыла обо всём! Даже о том, что её любимая сестрёнка уже почти вся в желудке! Чуть не подпрыгнув, она дёрнулась вверх, вовсю ширь раскрыла рот, чтобы громко закричать, но... Моя попа со скоростью падающего мешка с де... с зерном заткнула всю пустоту и вместо крика получилось лишь тихое мычание.

Поэтому мама не услышала то, что мы вытворяли. Я думала самая широкая часть тела застрянет в горле, но она по инерции проскочила, раздвинула пищевод и провалилась так, что я ощутила Люськины мокрые губы на середине своих ляжек. Пока искала, за что зацепиться руками, я продолжала набирать скорость, но тут моя голова врезалась в дно желудка и утонула. Глаза защипало, я зажмурилась, открыла рот, чтобы закричать, но желудочный сок моментально заполнил его своим щавельным вкусом. Мне ничего не оставалось сделать, как проглотить эту приятную кисленькую жижу, чтобы не захлебнуться.

Я по инерции продолжала скользить по изогнутой части желудка так, что спину согнуло кольцом, а голову прижало к груди и потащило вверх. Вынырнула из этой лужи, и достала до воздуха. Обрадовалась, что не захлебнусь, глубоко вдохнула, но когда очухалась - почувствовала, как колени чиркнули по мягким мокрым губам и уже входят в горло. Меня продолжало сворачивать кольцом, я всё ещё скользила спиной по дну желудка, а ногами сползала по стенкам пищевода. Я растерялась и забыла про всё на свете и лишь пыталась махать руками, чтобы хоть за что-нибудь зацепиться. В голову прилетела только одна мысль, как остановиться и хоть немного вылезти. Я выпрямила спину, толкая себя обратно, но тут...

- Что?

- Люськин инстинкт! Движение в обратную сторону! Она меня просто сглотнула. Моя спина снова согнулась колесом и я провалилась так глубоко, что моя попа оказалась на дне желудка, а пятки у неё во рту. Я только кончиками больших пальцев чувствовала прохладный воздух снаружи.

- Так я и думала, что этим всё закончится. Вот только...

- Что?

- Ты так рассказываешь, как будто тебя совсем не волновало, что ты можешь оказаться полностью вся в её желудке и раствориться.

- Волновало, но не так сильно. Я знала, что это всё происходит случайно. Она не виновата. Всё происходит без злого умысла. Она не хочет меня переваривать, и скоро сделает всё, чтобы вытащить обратно. Она же моя сестра и сильно любит меня. И я её люблю.

- Скажи, тебе понравилось у неё внутри?

- В общем-то да. Там так тепло и мягко! Стенки такие упругие и нежные! А главное можно поесть и попить. Столько сока я ещё никогда не пила. К тому же испытала отличный оргазм, да ещё кролик внутри меня... перевариваться начал. Единственное неудобство в том, что моё лицо между моими же сиськами оказалось.

- Ха-ха. Ладно, давай дальше... Как ты полностью вся-то в ней оказалась?

- Как, как. Очень просто! Люська так за меня распереживалась, что у неё руки затряслись. И вот прикинь, такими трясучками она захотела ухватить меня за ступни, чтобы вытащить. В общем, снова получилось не так, как хотелось.

- Да, что ж такое? Что же ещё могло произойти? И так уже случайность на случайности сидит и случайностью погоняет.

- Ну да, ты права. Но ещё одна всё-таки произошла.

- Это какая же?

- Ты же знаешь, что я щекотки боюсь?

- Ну.

- Баранки гну! Она провела ногтями от моих пальцев до пяток и...

- И что?

- Что, что! Мои ноги дёрнулись и согнулись в коленях.

- Да ты что? Вот из-за этого незначительного движения?

- Да. Мало того. Я взвизгнула и хотела пнуть её по руке за это, но до горла достать уже не смогла. Люськин инстинкт мгновенно сработал на движение в обратную сторону, и она снова сглотнула... в последний раз. Этот глоток вытолкнул мои ноги из пищевода в желудок, и я целиком оказалась внутри. Она как закричит: «Шурка! Ты что наделала? Дура! Меня же мама съест за то, что я тебя проглотила! Быстро пей мой желудочный сок, пока не переварилась! Пей всё до капли!» Она заплакала, а я поджала ноги, свернулась калачиком, повернулась вниз головой и стала пить, пить, пить.

- И что, весь выпила?

- Весь, до капельки! Пока я пила, она перешла из крольчатника в твою комнату, чтобы нас никто не спалил. Потом я стенки стала вылизывать, чтобы кожу не жгли. Она так притихла, когда я это делала, что даже плакать перестала. Когда я закончила, она продолжила: «Теперь разворачивайся и суй свои руки в моё горло! Только не торопись». Я нащупала вход в пищевод, сунулась туда, но меня не пустил глотательный рефлекс.

Только с четвёртой попытки мне удалось дотянуться до её горла. Это получилось только тогда, когда я медленно, почти незаметно для неё двигала руками. Она тут же ухватилась за пальцы и потянула наружу.

- Ну, вы блин даёте.

- И всё равно у нас ничего не получилось. Мой живот так распёрло, что он никак не хотел проходить через пищевод. Так и сидела, с торчащей головой и руками из её рта, пока ты не пришла.

- Ага, я вас так и застукала.

- Ммда. Вот, до чего случай доводит.

- Не переживай. Тут не только случай виноват, но и наша сущность.

- И не говори.

<http://tl.rulate.ru/book/59263/1518807>